

Поэтому он совершенно не уловил, почему его драгоценный сынок вдруг вспомнил о «событии 258 года — нападении в День свободы». Это же был банальнейший подхалимаж!

Думал, раз отец неграмотный, так можно водить его за нос? Этот сопляк Лу Бисин совсем распоясался — прямо у него на глазах начал лизать пятки человеку по фамилии Линь!

Пять лет как сбежал из дома, а теперь крылья отрастил!

У Одноглазого Орла из всех семи отверстий на голове повалил невидимый дым, шерсть на теле встала дыбом, поднявшись на добрых два фута, и он чуть не превратился в разъяренного морского ежа.

Он понизил голос, и лицо его исказилось в оскале:

— Повторяю еще раз: держись от моего сына подальше!

Линь Цзинхэн приподнял бровь:

— Так строго следишь? Твой отпрыск — несовершеннолетняя девица?

— Нам, деревенщине из Восьмого сектора, не чета таким высокомерным адмиралам Альянса!

— Когда твой сын, пребывая в полной нищете, прикрывался моим именем, чтобы пускать пыль в глаза, он говорил совсем другое.

В жизни Одноглазого Орла было две вещи, о которых он жалел больше всего. Первая — что пятнадцать лет назад, отправляясь на поиски развлечений, он не пристегнул лазерный пистолет к поясу своих брюк. Вторая — что он решил, будто мальчишка подросток и его нужно закалять, воспитывать в строгости, и не стал на коленях умолять его взять деньги, когда тот собрался сбежать из дома.

Одноглазый Орел:

— Врешь ты всё!

Линь Цзинхэн ответил насмешливым хмыканьем.

— Вы двое, ну вы двое! Опять ссоритесь? — С Лу Бисина наконец спали все стерильные защитные оболочки. Выходя из медицинского отсека, он, видимо, где-то раздобыл одежду и переоделся. Темно-синий костюм с аккуратным воротником-стойкой сидел безупречно, придавая ему вид вполне солидного и взрослого человека. Он протянул руку, встал между ними и с головной болью в голосе произнес: — Вам что, прыжка с парашютом было мало? Я правда не могу с вами справиться.

Одноглазый Орел, чья ярость еще не утихла, буркнул:

— Не твое дело!

Линь Цзинхэн же, напротив, проявил выдержку, подобающую старшему, и мягко спросил:

— Как ты себя чувствуешь? В этот раз ты был слишком безрассуден.

Только тогда Одноглазый Орел спохватился. Чтобы не проиграть в борьбе за внимание сына, он поспешно выдавил из себя подобие доброй улыбки, от которой мог заплакать любой ребенок в детском саду:

— Папа не тебя ругает.

Лу Бисин с беспомощным видом посмотрел на отца. Ему казалось, что психологический возраст его родителя застыл в вечной юности — двести лет он оставался на уровне десятилетнего мальчишки. Поэтому он поучительно и ласково добавил:

— Пап, мы всё еще пользуемся чужим мехом, води себя прилично, ладно?

Одноглазый Орел:

— ...

Взгляд Линь Цзинхэна упал на темно-синюю куртку Лу Бисина.

Лу Бисин обернулся и, решив идти до конца, бесстыдно развел руками:

— Одолжил твой мех, одолжил твое вино, теперь вот еще и одежду твою нацепил. Давай посчитаем это как одно большое одолжение, а?

Линь Цзинхэн хотел ответить: «Делай что хочешь», но посчитал это слишком холодным. Захотел сказать: «Для меня честь», но решил, что это совсем не в его стиле, и побоялся напугать окружающих. Слова застряли в горле, и он в нерешительности замолчал. Ему пришлось поспешно кивнуть и, сделав вид, что проверяет давление и качество воздуха за шлюзом, отвести взгляд от Лу Бисина.

Люк медленно открылся, открывая взору заброшенную станцию снабжения.

Внутри искусственной атмосферы показатели давления и качества воздуха были в норме, так что скафандры не требовались. Помещения и рельсовые пути станции находились в отличном состоянии, искусственные газоны по бокам были ровно подстрижены, но вокруг царил тишина. Тротуары пустовали, на земле все еще виднелись следы колес, а умные мусорные баки, охранные роботы и шаттлы, застывшие вдоль дорожек, напоминали ряд уродливых декораций.

Группа последовала по указателям к центральному пункту управления.

— Энергосистема отключена, но аппаратная часть в порядке, — после недолгого осмотра сказал Лу Бисин. — Попробую, должно получиться перезапустить.

Хуан Цзиншу спросила:

— Директор Лу, разве не говорили, что эта станция находится на контрабандном пути и здесь кто-то ведет дела? Где же люди?

— Ушли, но, боюсь, совсем недавно. Посмотрите на газон у входа. Оборудование явно обслуживалось, на механизмах еще остался остаточный жар. В незаконном бизнесе иногда так и приходится: выстрелил — и беги. Неизвестно, когда они сбежали и когда вернутся, — Лу Бисин возился с панелью управления. — Девочка, посвети-ка мне.

Не успел он закончить фразу, как мягкий белый свет упал прямо ему на руки — достаточно яркий, но не слепящий.

— О, это хорошо, — небрежно бросил Лу Бисин. — Кто это у нас такой прилежный, что даже на личном терминале держит лампу для защиты глаз?

Он закончил, но никто не ответил. Лу Бисин запоздало обернулся и увидел, что студенты стоят в нескольких метрах, почтительно вытянувшись, а светит ему адмирал Линь.

Лу Бисин опешил. Не успел он ничего сказать, как с другой стороны ударил еще один луч света — это Одноглазый Орел, не желая оставаться в стороне, направил свой фонарь. Яркий свет, подобный прожектору, ослепил их обоих.

Лу Бисин:

— Пап, ты что, застукал нас за чем-то? Слепишь же!

Линь Цзинхэн:

— ...

— Нет, — Лу Бисин только сейчас осознал, что ляпнул. — Я не это имел в виду, Линь... кхм, в общем...

Линь Цзинхэн перебил его:

— Можешь называть меня так, как привык.

Лу Бисин украдкой взглянул на него. В мягком свете лицо Линь Цзинхэна казалось бледным — вероятно, этот захватывающий дух путь дался ему нелегко. Лу Бисин почему-то вспомнил, как сам кривлялся, изображая разные выражения лица, и в его голове что-то коротнуло. Внезапно пришла мысль: «Надо было сделать снимок на память».

Ведь это был последний адмирал Альянса, и он увидел его живым!

Лу Бисин не воспринимал всерьез ругань Одноглазого Орла в адрес Линь Цзинхэна, ведь, возможно, из-за асимметрии глаз тот смотрел на всех с предубеждением, особенно на мужчин, которые были красивее него.

В юности, глядя на звезды, Лу Бисин был полон любопытства к внешнему миру и регулярно собирал новости из семи секторов. Сколько он помнил, в Альянсе всегда царило благополучие, а влияние военного комитета постепенно угасало, как у старого осла, отработавшего свое. Только генерал Линь оставался тем, чьи заслуги были скрыты между строк.

Лу Бисин обладал поразительной чувствительностью к цифрам. Он заметил, что в ранние годы происходило не менее тридцати-сорока террористических атак пиратов в год. Каждый раз Альянс выступал с пафосным осуждением, скорбел о жертвах, а затем тратил в десять раз больше сил, чтобы исправить положение. Но пираты часто просто сбегали в дальний космос, ожидая удобного момента, словно неубиваемые тараканы. Однако более десяти лет назад статистика терактов и потерь Альянса внезапно рухнула, словно пираты в одночасье исправились и испарились — это случилось как раз после того, как Линь Цзинхэн принял командование крепостью «Серебро».

Лу Бисин:

— Честно говоря, я до сих пор чувствую себя как во сне. Ты правда... Эх, столько всего не успел спросить, как логово «Ядовитого гнезда» взлетело на воздух.

Мягкий свет отразился в серых радужках Линь Цзинхэна, и его взгляд стал невероятно нежным:

— О чем ты хотел спросить?

Лу Бисину хотелось спросить о многом: о деталях битв, которые Альянс не освещал, был ли «Чжаньлу» действительно тем самым «Чжаньлу», каково это — отказать Евгении, которую называли «первой красавицей Альянса», что произошло во время покушения в «Сердце розы» пять лет назад? Но самое главное — как ему удалось обмануть всех и сделать так, чтобы «Эдем» ничего не заподозрил?

Однако, оглядевшись, он заметил, что студенты наострили уши. Лу Бисин заколебался: он не был уверен, хочет ли Линь Цзинхэн раскрывать свою личность. К тому же, будучи адмиралом, он инсценировал смерть, покинул Альянс и пять лет прозябал в такой дыре, как Восьмой сектор — наверняка у него были на то веские причины.

Взрослые люди, особенно такие замкнутые, как Линь Цзинхэн, вряд ли захотят выворачивать душу наизнанку перед другими.

Лу Бисин в мгновение ока подавил свое любопытство и, сменив тон, в шутку спросил:

— Можешь дать мне автограф?

Четверо студентов, подслушивавших разговор, едва не упали, переглядываясь с озадаченными лицами.

Мята прошептала с сомнением:

— Наш директор — его ярый фанат или... ну, вы поняли?

У Уайта было крайне красноречивое лицо.

Хуан Цзиншу огляделась и глазами подала сигнал остальным:

— Может, нам стоит отойти?

Боевой Петух вытаращил глаза, косясь на одежду Лу Бисина:

— Директор Лу был одет совсем не так!

Хуан Цзиншу схватила Боевого Петуха и Уайта, увлекая их за собой. Мята, будучи сообразительной, поспешила следом. Студенты, притворяясь любопытными, окружили Одноглазого Орла и с воодушевлением начали расспрашивать его о перспективах оружейного бизнеса в Восьмом секторе, попутно осыпая комплиментами его стильные очки.

Современные подростки были себе на уме: если директору удастся «захомутать» Четвертого брата, то, возможно, академия сможет заключить долгосрочный контракт с «Черной дырой» и выпускники будут официально трудоустроены. Какая блестящая перспектива!

Линь Цзинхэн, выслушав «нелепую просьбу» директора Лу, на мгновение замер. Лу Бисин уже приготовился услышать что-то вроде: «Не дам, проваливай», но вместо этого Линь Цзинхэн достал из кармана ручку:

— Хорошо.

Лу Бисин:

— ...

Линь Цзинхэн терпеливо спросил:

— Где расписаться?

Директор Лу, самоучка, который всегда чувствовал себя как рыба в воде на лекциях, впервые ощутил неловкость от того, что не нашел ответа на вопрос. Они с Линь Цзинхэном несколько секунд смотрели друг на друга, после чего он в панике протянул руку:

— Нет, я...

Линь Цзинхэн перехватил его запястье. Его ладонь была сухой, кончики пальцев — в жестких мозолях, костлявые пальцы выглядели сильными, но движения были легкими, словно перышко, коснувшееся манжеты Лу Бисина. На тыльной стороне ладони он вывел размашистый иероглиф «Линь»:

— В свое время на всех официальных сводках крепости «Серебро» стояла моя подпись. Если интересно, можешь провести экспертизу почерка.

Возможно, из-за последствий недавнего перелома, Лу Бисин почувствовал, как онемение разлилось от пальцев до самого запястья, и, как на церемонии открытия, он снова забыл все слова.

Одноглазый Орел, окруженный толпой галдящих детей, уже терял терпение. Бросив взгляд вдаль и увидев эту сцену, он нафантазировал себе черт знает что:

— Куда ты его лапаешь!

Линь Цзинхэн совершенно естественно отпустил руку и напомнил:

— Процесс перезагрузки энергетического ядра завершен.

— О, — неловко усмехнулся Лу Бисин, — точно, точно.

Он поспешно украдкой размял онемевшую руку и подтвердил команду на перезапуск. В тот же миг вся станция издала тихий вздох, словно оживая: вспыхнули бесчисленные огни, огромная энергетическая башня испустила флуоресцентное лазерное свечение, отбрасывая силуэт меха на стены. Ремонтные роботы выстроились в ряд у лифтов и начали автоматическую диагностику поврежденного меха. Чжаньлу, бесшумно покоившийся на руке Линь Цзинхэна, тоже, казалось, начал светиться, с радостью подключившись к энергетической башне и жадно впитывая энергию.

— Я пойду осмотрю мех, — напутствовал Линь Цзинхэн. — Если что-то понадобится, ищи меня там.

Сказав это, он прошел мимо разъяренного Одноглазого Орла и удалился.

Лу Бисин долго смотрел ему вслед, затем опустил глаза на размашистый иероглиф «Линь» на

тыльной стороне ладони. Его прошиб холодный пот от жара системы охлаждения центрального пульта. Он осторожно закатал рукав и, чувствуя себя наполовину парализованным, принялся возиться с оборудованием.

На этой заброшенной станции оказалась даже незаконная сеть связи, охватывающая весь Восьмой сектор — довольно продвинутая штука. Лу Бисин попутно запустил команду восстановления, а в голове у него творился полный хаос: «Почему он вдруг стал так добр ко мне? Только чтобы позлить старика?.. Хм, в этой дыре запас энергии и провизии довольно солидный, можно немного пополнить ресурсы, кто знает, когда эти пираты, перекрывшие путь, уйдут... Почему рука до сих пор немеет, это что, предвестник паралича? М-м... здесь еще и оружейный склад, нужно взломать замок... У него такие длинные пальцы... Тьфу, о чем я думаю? Метод шифрования этого замка...»

Шифрование на заброшенной станции было не ахти каким. Даже при том, что у Лу Бисина работала лишь десятая часть мозга, он умудрился как-то взломать его.

Все мысли Лу Бисина крутились вокруг недавней тихой фразы Линь Цзинхэна: «Ищи меня там». Услышав тихий звуковой сигнал, он с трудом вернул себе ясность сознания и рассеянно взглянул на инвентарь:

— М-м, пусто.

Глаза Лу Бисина тупо смотрели на пустой оружейный склад, а разум все еще был там, в мягком свете, на лице Линь Цзинхэна, которое казалось таким добрым. Через полминуты Лу Бисина вдруг прошило током — он очнулся. Нет, подождите! Если запас энергии и провизии такой большой, почему оружейный склад пуст?!

Он резко поднял голову, окинув взглядом всё оборудование в пультовой — дата производства на корпусе главного компьютера была 200 годом Новой Эры, и работал он до сих пор исправно. Это означало, что программное и аппаратное обеспечение кто-то долгое время обслуживал и обновлял. На этой станции постоянно кто-то был!

Почему они ушли в такой спешке, оставив здесь припасов, которых хватило бы на целый звездный корабль, но забрав всё оружие?

— Пап, — помрачнел Лу Бисин, — нам, возможно, нужно немедленно...

Он не успел договорить: система связи, которую он только что восстановил, завершила загрузку и активировалась.

Огромный экран над пультом управления вспыхнул. Сначала на нем была лишь снежная рябь, а затем появился мужчина. Половина его тела была механической, пустые глаза смотрели с экрана с жутким, злобным выражением.

Одноглазый Орел резко оттолкнул Боевого Петуха, стоявшего перед ним, и на его лбу вздулись вены.

— Приветствую всех моих друзей и близких в Восьмом секторе, — мужчина выдавил жесткую, странную улыбку. — Я Арес фон, вы еще помните своего старого друга? Если нет — не страшно, я представлюсь снова. Я — принц Кайле. Более ста лет назад вы предали меня и бросили, а теперь я вернулся из ада с мечом возмездия, полный ненависти. Рады меня видеть?

Уайт невольно вздрогнул и машинально ухватился за рукав Лу Бисина:

— Директор, кто это?

Мужчина, назвавшийся принцем Кайле, чеканил каждое слово:

— Моя семья правила Восьмым сектором более шестидесяти лет, кормила бесчисленное множество неблагодарных паразитов и отбросов, позволяя вам жить в земном раю и избегать эксплуатации и агрессии Альянса. Но как же вы, мои дорогие подданные, отплатили мне?

— Вы привели псов Альянса, ради жалких костей предали своего господина, убили моего отца и братьев, заставив меня в панике бежать в дальний космос, где до сих пор мое тело держится лишь на этом металлоломе... Ну как, сладко ли вам жилось под властью Альянса эти сто лет? Дал ли вам Альянс свободу и достоинство? Если вы будете плакать от боли под пушечным огнем, пришлет ли великий спаситель-Альянс кого-то, чтобы спасти вас?

Дойдя до этого места, он зашелся в безумном смехе, задыхаясь:

— Давайте же отпразднуем мое возвращение!

Как только он закончил, с экрана донесся оглушительный грохот. Несколько жутких сверхпространственных тяжелых мехов навели орудия на планету Кайле. Принц Кайле издал долгий свист, и сотни, тысячи ядерных ракет, словно ливень, устремились к незащитной планете. Огромная энергетическая волна ослепила всех, и столица Восьмого сектора в одно мгновение была поглощена огнем.

Целая планета была стерта с лица земли.

Люди, остолбенев, не успели прийти в себя, как мужчина на экране закричал:

— Сюрприз! Следующий!

На экране высветились звездные координаты, и пушки нацелились на Пекин бета.

Не из каждого побега можно вернуться.

Административный центр планеты Пекин бета находился в трехстах километрах от Звездной академии. Был полдень, температура на улице по непонятной причине отклонилась от прогноза и начала стремительно расти, приближаясь к двадцати градусам. Ледяная корка, подобная камню, начала влажно блестеть, и в ней пробилась жизнь. Казалось, затянувшаяся на два года зима начала отступать, словно с края вселенной подул весенний ветер, вычистив небо до ослепительной синевы.

Это был третий день «недели дипломных работ» в Звездной академии. Три дня назад вечером, когда студенты уже закончили занятия, они внезапно получили уведомление. Учебный график школы, где был всего один директор, как всегда, был крайне хаотичным. Директор, видимо, решил уйти в отпуск и наспех объявил эту неделю неделей дипломных работ. Он открыл доступ к библиотеке, составил список литературы и задал огромную тему: «Куда, по моему мнению, движется человечество?»

До сдачи работ оставалось четыре дня, но большинство студентов думали не о будущем человечества, а о загадочном исчезновении Уайта и остальных. Вся академия превратилась в фабрику по производству нелепых слухов, а споры о том, кто с кем сбежал, уже привели к двум массовым дракам.

Детский дом, где жила Мята, получил финансовую помощь — она заранее настроила систему так, чтобы три четверти ежемесячной стипендии автоматически перечислялись «родственникам». Однако в этот раз вместе со стипендией пришло письмо с жалобой.

Директор Лу, который клятвенно обещал отчислить их, в итоге даже не стал объявлять выговор, а просто применил методы управления детским садом. Уходя, он наспех написал письмо, чтобы пожаловаться родителям студентов. Старшие дети в детском доме с тревогой обсуждали это послание, родители Уайта уже дважды бегали в пустой кабинет директора, а мать Боевого Петуха Витаса, женщина довольно безответственная, прочитав письмо, лишь размашисто начертала в ответ четыре слова: «Пусть сдохнет».

А письмо, отправленное по адресу, указанному в документах при поступлении Хуан Цзиншу, так и не было доставлено — оно пропутешествовало по всей планете и было возвращено системой в почтовый ящик директора.

В этот день старый декан факультета информации, который уже подал в отставку, собрал вещи и готовился покинуть Пекин бета. Перед отъездом его словно что-то дернуло заглянуть в Звездную академию. Издалека он увидел величественный купол актового зала и шумную ораву детей, носящихся по территории. Декан не ожидал, что в школе осталось так много студентов. Он ухватился руками за ограду и заглянул внутрь: мимо пробежали двое подростков, мальчик пытался отобрать у девочки какие-то бумаги.

— Дай посмотреть, что такого? Я же не обязательно буду бегать за тобой, не воображай себе!

Девочка пнула его по голени:

— Отвали.

— Я тоже могу дать тебе посмотреть свое! Я не подал заявку ни на один из трех факультетов, я предложил новое направление — «Гида по межзвездной контрабанде». Как тебе? Звучит круто, правда? Эй, подожди меня!

Декан долго стоял, ошеломленный. Он чувствовал, что в этом святом храме знаний содержатся лишь огромные обезьяны с сомнительным уровнем интеллекта. Вздохнув, он отпустил ограду и медленно побрел прочь. Ему было двести шестьдесят лет, у него не было постоянного места жительства, он преподавал во многих вузах Восьмого сектора и был свидетелем бесчисленных случаев, когда школы закрывались из-за нехватки студентов. Звездная академия была его последней остановкой, и она его разочаровала.

Он вдруг пал духом, глядя на сухие старческие пятна на тыльной стороне ладони, и подумал, что вся его жизнь, возможно, была лишь сном наяву, а путь, который он выбрал — упрямым и ошибочным.

Двести шестьдесят лет — пора бы уже закончить.

Некоторое время назад он потратил почти все свои сбережения, чтобы купить место в частном доме престарелых на планете Кайле, намереваясь провести там остаток своих дней. В Восьмом секторе это считалось весьма достойной старостью. Сегодня он должен был отправиться туда.

Старый декан поднял голову и посмотрел на небо — редкий погожий день, без северного ветра, теплый, совсем не похожий на зиму планеты Пекин. Он подумал, что это, вероятно, предвещает ему легкий путь.

<http://bllate.org/book/19100/1876011>